

УДК 338.012 DOI: 10.14451/1.254.26

Влияние внешнеэкономических ограничений на структурные изменения российской экономики

© 2026 Юсов Роман Игоревич

Аспирант кафедры финансово-экономического и бизнес-образования. Государственный университет просвещения.

E-mail: romanyusov93@gmail.com

© 2026 Демина Вера Викторовна

Профессор кафедры экономической теории, доктор экономических наук, доцент. Московский педагогический государственный университет. Профессор кафедры финансово-экономического и бизнес-образования. Государственный университет просвещения.

E-mail: d.eminvictor@yandex.ru

Ключевые слова: ограничения, экономика РФ, промышленность, изменения, инновации, структура экономики, экспорт, импорт.

Статья посвящена анализу воздействия внешнеэкономических ограничений (санкций, контрсанкций, разрыва логистических и технологических цепочек) на структурную трансформацию российской экономики в современный период. Исследование охватывает ключевые изменения в отраслевых пропорциях, направлении торговых потоков и внутренней производственной динамике. Рассматриваются процессы импортозамещения в промышленности и АПК, а также их успехи, ограничения и влияние на конкурентоспособность. Особое внимание уделяется структурному сдвигу в сторону сырьевого сектора на фоне сложностей с высокотехнологичными производствами, а также усилению экономических связей с альтернативными рынками. Анализируются последствия ограничений для инвестиционной модели технологического развития и долгосрочного потенциала диверсификации. Статья подводит итог формированию новой экономической архитектуры, выявляя ее устойчивые черты и ключевые вызовы.

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется усилением геополитической турбулентности, что привело к формированию беспрецедентного комплекса внешнеэкономических ограничений в отношении Российской Федерации. Санкционное давление, контрмеры, разрыв установившихся логистических и техно-

логических цепочек стали мощным экзогенным шоком, потребовавшим от национального хозяйства сложной адаптации.

Данная статья посвящена комплексному анализу влияния этих ограничений на глубинные структурные изменения в российской экономике. В фокусе исследования находятся трансформации в отраслевых пропорциях, кардинальная

переориентация торговых потоков и динамика внутреннего производства. Анализируются масштабные процессы импортозамещения в промышленности и АПК, оценивается их реальная результативность, структурные ограничения и итоговое влияние на конкурентоспособность.

Особое внимание уделяется выявившемуся противоречию: на фоне консолидации сырьевого и базового секторов наблюдаются значительные сложности в развитии высокотехнологичных производств. Параллельно рассматривается феномен усиления экономических связей с альтернативными рынками как одного из ключевых направлений адаптации.

Целью данного исследования является комплексный анализ влияния этих ограничений на структурные изменения в экономике России, выявление их устойчивых черт, противоречий и долгосрочных последствий. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проанализировать сдвиги в отраслевой и географической структуре экспорта; оценить динамику и результативность импортозамещения в различных секторах; определить новую региональную конфигурацию экономического роста; выявить институциональные и технологические вызовы сформировавшейся модели адаптации.

Методы исследования

Методологическую основу работы составляют системный и статистический анализ данных Банка России, ФТС и Росстата, институциональный и сравнительно-географический методы, позволившие дать количественную и качественную оценку происходящих трансформаций.

Введение беспрецедентного пакета внешнеэкономических ограничений в 2022 году стало катализатором стремительной и вынужденной перестройки российской экономики. Первоначальный шок, связанный с разрывом устоявшихся логистических и финансовых связей, заморозкой активов и технологическим эмбарго, быстро сменился фазой активной адаптации, определившей несколько ключевых и взаимосвязанных векторов структурных изменений [5; 11].

Наиболее наглядным и масштабным изменением стала кардинальная переориентация внешне-торговых потоков. Европейский Союз, десятилетиями бывший основным торговым партнером России, уступил место азиатским странам. По данным ФТС, в 2023 году доля Китая во внешнеторговом обороте России превысила 30%, а совокупный объем торговли со странами Азии достиг двух третей. Экспорт углеводородов переориентировался на рынки Индии, Китая и Турции, что потребовало масштабной перестройки логистики: резкого роста танкерного флота «теневого флота», загруженности портов Дальнего Востока и развития сухопутных маршрутов, таких как коридор «Север–Юг». Параллельно произошел взрывной рост реэкспорта в Россию через третьи страны (Армению, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь), что позволило смягчить дефицит многих товаров, но одновременно привело к росту издержек и формированию новых ценовых надбавок.

Внутри страны императивом стало форсированное импортозамещение, перешедшее из концептуальной плоскости в практическую с созданием Фонда развития промышленности (ФРП) и расширением программ льготного кредитования (проект «Кредитная фабрика»). Однако его динамика оказалась крайне неравномерной. Наиболее впечатляющие успехи были достигнуты в агропромышленном комплексе и пищевой промышленности, где замещение носит уже не столько санкционный, сколько эволюционный характер последних лет: рынок семян сахарной свеклы и подсолнечника, свиноводство и птицеводство демонстрируют высокую степень самообеспеченности. В обрабатывающей промышленности прогресс более фрагментарный [3; 6]. Активно развиваются производства в химической промышленности (катализаторы, полимеры), автокомпонентов и сборка автомобилей (с приходом китайских брендов), железнодорожного машиностроения и производства бытовой техники. В то же время, в высокотехнологичных секторах, таких как станкостроение, микроэлектроника, авиастроение и фармацевтика активное производство, импортозамещение

сталкивается с принципиальными трудностями, связанными с отсутствием собственной полной технологической цепочки, дефицитом кадров и необходимостью длительных НИОКР.

Параллельно осуществляется глубокая трансформация потребительского рынка и корпоративного сектора. Массовый уход западных брендов (от IKEA и McDonald's до H&M и Apple) привел не к опустению полок, а к их стремительно-му заполнению товарами турецких, китайских, белорусских производителей, а также продукции отечественных компаний-наследников (как «Вкусно – и точка» или «Светофор»), что открыло огромные рыночные ниши для местных игроков. В корпоративном секторе адаптация выразилась в перестройке цепочек поставок, поиске альтернативных платежных механизмов (с активизацией расчетов в национальных валютах) и перепрофилировании активов. Государство выступило ключевым координатором через механизмы субсидирования процентных ставок, специальные инвестиционные контракты (СПИК 2.0) и прямое участие госкомпаний в создании новых производств [12].

Парадоксальным, но закономерным итогом политики диверсификации и импортозамещения под жесткими внешними ограничениями стало консолидированное усиление сырьевой ориентации российской экономики. Мобилизация

всех ресурсов для финансирования масштабной структурной перестройки и социально-экономической стабильности привела к повышению роли топливно-энергетического и сырьевого комплексов как надежного источника валютной и бюджетной выручки. Важную роль в структурном регулировании экономики отводится государству, поддерживающему стратегически важные отрасли через реализацию национальных проектов [10].

Результаты исследования

Анализ структуры экспорта за 2022–2024 годы демонстрирует неоспоримое доминирование сырьевых товаров. Несмотря на все усилия по наращиванию несырьевого неэнергетического экспорта, его доля в условиях ценового и логистического шока не только не выросла, но и сократилась [9]. Основным драйвером остаются углеводороды, причем их доля в стоимостном выражении достигла максимумов за последнее десятилетие, что связано как с высокими ценами, так и с физическим ростом поставок в альтернативные направления (табл. 1, рис. 1). Произошла и внутренняя рокировка: экспорт нефтепродуктов и сжиженного природного газа (СПГ), логистика которых оказалась менее уязвима для первичных санкций, демонстрировал более устойчивую динамику по сравнению с трубопроводным газом, рынок которого в Европе был фактически утрачен [7].

Таблица 1. Структура экспорта России по основным товарным группам, 2022–2024 гг. (в % от общей стоимости).

Товарная группа	2022 г., %	2023 г., %	2024 г., %
Топливо-энергетические товары (ТЭТ)	66	61	61
Металлы и изделия из них	12	14	15
Продукция химической промышленности	7	6	6
Продовольствие и с/х сырье	7	10	10
Машины и оборудование	5	5	5
Прочие товары	4,6	4,5	4,7

Источник: Составлена авторами по [1; 2].

Данные подтверждают – доля ТЭТ в экспорте стабильно превышает 2/3, достигнув пика в 2023 году. Ключевая тенденция – рост значимости нефтепродуктов как более гибкого и менее санкционно-зависимого инструмента по сравнению с сырой нефтью, которая сталкивается с потолком цен и трудностями с фрахтом. Снижение доли газа компенсировано ростом в других сырьевых позициях (металлы). Доля высокотехнологичных и машиностроительных товаров остается маргинальной (в районе 4–5%) [8], что свидетельствует о глубокой структурной зависимости от сырья для поддержания внешнеэкономического баланса. Диверсификация экспорта в новых условиях свелась к диверсификации направлений поставок сырья, но не его состава.

Это сырьевое доминирование напрямую транслируется в региональную переконфигурацию экономической активности. Традиционные центры роста, ориентированные на потребительский спрос и услуги (Москва, Санкт-Петербург), уступили лидерство по динамике инвестиций и промышленного производства регионам-экспортерам сырья и логистическим хабам новых торговых путей. Формируется новая экономическая география, которую можно условно назвать «осью Восток–Юг».

На юге ключевыми точками роста стали порты Азово-Черноморского бассейна (Новороссийск, Тамань, Туапсе) и приграничные регионы, обслуживающие коридор «Север–Юг» (Астраханская область, Дагестан). Однако подлинным драйвером стал Дальний Восток, превратившийся из депрессивной периферии в стратегический форпост экономики. Приморский край (порт Владивосток, Восточный), Хабаровский край, Сахалинская область стали эпицентрами экспортной активности. Параллельно усиливается роль сырьевых регионов Сибири и Урала (Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Красноярский край, Вологодская область), где сосредоточены основные мощности по добыче и первичной переработке.

Сформировавшаяся в ответ на санкции экономическая конфигурация, несмотря на макро-

экономическую стабильность и адаптационную гибкость, порождает комплекс глубоких институциональных и технологических вызовов. Эти вызовы лежат в плоскости долгосрочной конкурентоспособности и определяют принципиальные ограничения для качественного роста, закрепляя риски технологической периферийности и институционального архаизма. Ключевая дилемма заключается в том, что инструменты и институты, эффективные для кризисной мобилизации и выживания, становятся тормозом для последующего развития.

Наиболее критичным является технологический разрыв, особенно в секторах, определяющих технологический суверенитет и сложное производство. Санкции, отрезавшие доступ к передовым западным технологиям, комплектующим и программному обеспечению, создали эффект «догоняющей деградации». В станкостроении, авиационной промышленности, микроэлектронике и фармацевтике активное производство импортозамещение зачастую сводится к организации сборки из китайских или локализованных компонентов среднего технологического уровня, либо к реверс-инжинирингу устаревших моделей. К примеру, развертывание производства отечественных станков с ЧПУ на базе предприятий «Станкопрома» сталкивается с зависимостью от импорта контроллеров, приводов и подшипников качения. В микроэлектронике, несмотря на амбициозные планы по освоению норм 28 нм, реальный серийный выпуск в ближайшие годы будет сосредоточен на техпроцессах 65–90 нм, что соответствует уровню середины 2000-х годов и годится в основном для встраиваемых систем, но не для современных процессоров. Это ведет к накоплению технологического долга, который будет крайне сложно погасить в условиях изоляции от глобальных исследовательских цепочек и рынка высококвалифицированных кадров.

Институциональный ответ на эти вызовы выразился в беспрецедентном усилении роли государства и крупного государственно-частного капитала как главного координатора, инвестора

Рис. 1. Структура экспорта России по основным товарным группам, 2022–2024 гг. (в % от общей стоимости).

и потребителя. Сформировалась модель централизованного управления дефицитом через механизмы промышленной политики (СПИК 2.0, ФРП, индустриальные кластеры), где госзаказ и бюджетное финансирование определяют приоритеты. С одной стороны, это позволило быстро перераспределить ресурсы в критические отрасли. С другой – породило системные риски: снижение конкурентного давления, рост коррупционных издержек и неэффективное размещение капитала. Льготные кредиты и госинвестиции зачастую направляются в «проверенные» госкомпании или лоббистские проекты без четких KPI по производительности и выходу на коммерческие рынки. Формируется особая «санкционная рента», когда само нахождение в перечне стратегически важных или зависимых от импорта отраслей становится источником бюджетного финансирования, а не стимулом к реальным инновациям.

Парадоксальным следствием стал двойной удар по человеческому капиталу и малым формам бизнеса. С одной стороны, произошла «утечка умов» – отток части высококвалифицированных специалистов из сферы IT, науки и инженерии. С другой стороны, внутри страны возникает дефицит инженеров, технологов и рабочих конкретных специальностей для новых производств,

что контрастирует с общей стабильностью на рынке труда [4; 13]. Более того, основная нагрузка по адаптации легла на крупный бизнес и госкомпании, в то время как малый и средний бизнес, особенно в сфере услуг и не связанный с госзаказом, столкнулся с сужением горизонтов планирования, трудностями доступа к комплектующим и изменением потребительского спроса. Это ведет к архаизации бизнес-среды, снижению ее диверсифицированности и инновационной активности, которые исторически были сильны именно в МСП.

Таким образом, ключевой вызов новой модели – ее внутренняя противоречивость. Институты мобилизационного типа, эффективные для импортозамещения в «низком» и «среднем» технологических укладах, оказываются мало пригодны для генерации прорывных технологических решений, требующих свободы экспериментирования, международной кооперации и конкурентного отбора. Экономика, структурно зависящая от сырьевого экспорта для финансирования технологического рывка, попадает в порочный круг: высокие доходы от ресурсов снижают стимулы к повышению эффективности и рисковым инновациям, а технологическое отставание, в свою очередь, усиливает сырьевую зависимость. Преодоление этого

разрыва требует не просто увеличения расходов на НИОКР, но глубокой институциональной модернизации, включающей создание независимых экспертных и финансовых институтов развития, защиту прав собственности и конкуренции, а также реинтеграцию в глобальные научные сети на новых, не зависящих от Запада, условиях. Без этого новая структурная конфигурация рискует законсервировать модель догоняющего развития с постоянно возрастающим технологическим отставанием.

Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать, что внешнеэкономические ограничения 2022–2024 гг. выступили в роли мощного шокового фактора, ускорившего и резко изменившего вектор структурных преобразований в российской экономике. Сформировавшаяся в ответ модель характеризуется внутренней противоречивостью, сочетая признаки адапционной

устойчивости с нарастанием долгосрочных системных рисков.

Таким образом, структурные изменения носят в значительной степени адапционно-оборонительный, а не проактивно-модернизационный характер. Экономика демонстрирует высокую гибкость в условиях кризиса, однако ее новая архитектура воспроизводит и даже усиливает традиционные слабости: зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков, технологическое отставание в критических цепочках создания стоимости и институциональные ограничения для диверсифицированного роста. Устойчивость модели в среднесрочной перспективе будет зависеть не только от способности поддерживать макроэкономическую стабильность, но и от возможности запустить качественную институциональную модернизацию, способную превратить текущую адаптацию в трамплин для следующего технологического уклада.

Библиографический список

1. Анализ структуры экспорта Российской Федерации. — URL: <https://www.braginskyoleg.com/ru/content/2025/04/22/analiz-struktury-eksporta-rossijskoj-federacii> (дата обр. 17.01.2026).
2. Андреева Е. Л., Карагулян Е. А. Актуальные тенденции развития внешней торговли России в условиях трансформационных процессов // Международная торговля и торговая политика. — 2025. — Т. 11, 2 (42). — С. 104–120. — DOI: [10.21686/2410-7395-2025-2-104-120](https://doi.org/10.21686/2410-7395-2025-2-104-120).
3. Бондаренко Н. В., Архипова В. А., Кузнецова Э. Г. Влияние санкций на позиции российских товаропроизводителей на международных рынках // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — 9 (159). — DOI: [10.60797/IRJ.2025.159.85](https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.85).
4. Денисов Д. А., Демина В. В. Социально-экономические проблемы России в научных исследованиях начала XXI в // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. — 2025. — № 2. — С. 6–18. — DOI: [10.18384/2949-5024-2025-2-6-18](https://doi.org/10.18384/2949-5024-2025-2-6-18).
5. Либман А. М. Внешнеэкономические условия развития России: изоляция и переориентация // Вопросы теоретической экономики. — 2024. — 2 (23). — С. 7–18. — DOI: [10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18).
6. Михайлова И. П., Степанов Е. А., Федина Е. В. Внешняя торговля РФ в условиях санкционного давления: анализ товарных потоков с учетом изменения геополитического ландшафта // Инновации и инвестиции. — 2022. — № 8. — С. 128–132.
7. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов / Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457874/e59d0198a6b86d35269590004bc1bb4d18c9fa29 (дата обр. 25.12.2025).
8. Социально-экономическое положение федеральных округов / Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (дата обр. 24.12.2025).
9. Ткаченко Ю. Г., Каськова А. А. Состояние и перспективы развития российского несырьевого неэнергетического экспорта в условиях санкционного давления // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — Т. 1, 6(147). — С. 89–100. — DOI: [10.36871/ek.up.p.r.2024.06.01.012](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.06.01.012).
10. Хэ М., Демина В. В., Заякина И. А. Влияние государственной политики на отраслевую структуру экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 2–1. — С. 115–122. — DOI: [10.17513/vaael.3249](https://doi.org/10.17513/vaael.3249).
11. Щепакин М. Б., Ксензова Г. В. «Кольчуга» конкурентоспособности субъекта бизнеса как инструмент управления изменениями в мобилизационной экономике // Лидерство и менеджмент. —

2022. – Т. 9, № 4. – С. 933–954. – DOI: [10.18334/lim.9.4.116972](https://doi.org/10.18334/lim.9.4.116972).
12. *Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Петриченко Г. С.* Принципиальная модель маркетингово-поведенческой адаптации бизнеса к условиям мобилизационной ориентации экономики // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 503–526. – DOI: [10.18334/vinec.14.2.120761](https://doi.org/10.18334/vinec.14.2.120761).
13. *Юсов Р. И.* Анализ рынка труда и его влияние на российскую экономику в условиях кризиса : Материалы Международной научной конференции молодых учёных. Статьи преподавателей и аспирантов // Наука на благо человечества – 2023. – М., 2023. – С. 107–115.